

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

**ЮРИЙ
СКУРАТОВ**
**ПУТИН -
ИСПОЛНИТЕЛЬ
ЗЛОЙ ВОЛИ**

Юрий Ильич Скуратов

Путин – исполнитель злой воли

Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018038
Путин – исполнитель злой воли.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4320-0059-0

Аннотация

Юрий Ильич Скуратов был Генеральным прокурором Российской Федерации в 1995 – 1999 гг. После финансового кризиса 17 августа 1998 года Юрий Скуратов начал расследование деятельности 780 крупных государственных чиновников, которые подозревались в коррупции. В числе официально названных подозреваемых были Анатолий Чубайс, другие «молодые реформаторы», а также дочери Бориса Ельцина. В начале 1999 года по указу Ельцина против Скуратова было возбуждено уголовное дело и в 2000 году он был отстранен от должности. В своей книге Ю.И. Скуратов рассказывает о подлинной подоплеке этой истории и о той роли, которую сыграл в ней Владимир Путин, возглавлявший в то время ФСБ. По мнению автора, Путин был исполнителем воли ельцинской «семьи», испугавшейся прокурорского расследования их преступных действий.

Содержание

Вместо предисловия	4
Вызов к Ельцину	6
Коррупция и заказные убийства	20
Несколько встреч с президентом	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Ильич Скуратов

Путин – исполнитель злой воли

Вместо предисловия

В свое время «МК» предложил список из десяти человек под названием «Злой гений XX века», в который входили Ленин, Сталин, Берия и Ельцин. Первое место занял Ельцин, набрав чудовищно много голосов – 38,8 процента. Вероятно, это – эмоциональная оценка, к тому же не все из жизни этого человека известно людям, но думаю, будет известно все и история воздаст ему по заслугам...

Когда же Ельцин ушел из Кремля, то вместо себя оставил Владимира Владимировича Путина, которого я хорошо знал. Первым указом Путина был указ «О гарантиях президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Чего тут только не было, в указе этом! И неприкосновенность, распространяющаяся не только на самого «прекратившего исполнение своих полномочий», но и на занимаемые им «жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на

его переписку». И пожизненное денежное содержание в размере 75 процентов оклада, и пожизненная государственная охрана плюс охрана членов семьи и сопровождающих его лиц...

Тут и пожизненное медицинское обслуживание бывшего президента и членов его семьи, и право на содержание за счет федерального бюджета аппарата помощников, а также «отдельного служебного помещения, оборудованного оргтехникой, средствами связи, в том числе правительственной связью», и пожизненное пользование одной из государственных дач – Ельцин избрал роскошную правительственную резиденцию «Горки-9». И еще – полным-полно различных благ для членов семьи бывшего президента после его кончины...

Некоторые газеты не выдержали, задали язвительный вопрос: а как в данном случае писать слово «семья», с большой буквы или с маленькой?.. Ответ на этот вопрос дает, в какой-то мере, эта книга: в ней я расскажу о той травле, которая была развязана против меня, когда я попытался затронуть интересы «семьи», и в которой я защищался, защищался всеми доступными законом способами...

Вызов к Ельцину

Тот мартовский день был солнечным. С самого утра пахло свежестью, оживающими деревьями, весной, талым снегом, еще чем-то очень вкусным, рождающим доброе настроение.

Но на душе доброго настроения не было. Хотя, если взглянуть на ситуацию с позиций чистого факта, отметая всякие эмоции, поводов для тоски и горя не было. Но человек есть человек. Человек – существо уязвимое, поранить его легко. Иногда ничего не стоит поранить. Я же не был исключением из правил.

Накануне, 17 марта, прошло заседание Совета Федерации, обсуждали мою отставку с поста Генерального прокурора России. Голосование ошеломило всех, кто следил за историей отставки, в том числе ошеломило и меня самого (а я все-таки готовился к худшему): 143 человека проголосовали против отставки и только шесть – за.

На следующее утро меня вызвал президент.

Вот теперь я и ехал к нему. В больницу, в так называемую «кремлевку». Утром, едва рассвело, мне позвонил Владимир Дмитриевич Метелкин – генеральный директор нашего медицинского комплекса на реке Истре, мы с ним каждое воскресенье в одной команде режемся футбол, – и сообщил, что ночью по второму каналу TV показали пленку, на которой человек, похожий на Скуратова, занимается амурными дела-

ми с проститутками.

Гаденькая это штука, противная, вышибающая злую слезу обиды, – подобные, тщательно срежиссированные, тщательно склеенные пленки. Людям, что занимаются этим, обычно не подают руки.

Звонок Метелкина светлых красок в настроение не добавил, но хорошо, что Владимир Дмитриевич предупредил меня.

И как только те, кто дал пленку в эфир, не понимают, что ее показ – это уголовное дело, за которое можно получить срок и отправиться в места, не столь отдаленные: ведь речь шла не только о банальной диффамации, но и оказании давления на прокурора в связи с расследованием уголовного дела, что является серьезным преступлением против правосудия...

Президент, казалось бы, по главной своей обязанности должен быть гарантом Конституции и законов, свято оберегать их, наказывать тех, кто преступает их, но, увы, этим гарантом президент наш оказался лишь на словах... К этому времени я уже понимал, что ни в 1993 году, когда танки в упор расстреляли здание парламента, он уже не был гарантом, ни когда отправлял ребят на бойню в Чечню, не был гарантом, ни в событиях весны 1996 года, когда он чуть было не разогнал Государственную Думу, – об этом я еще расскажу, – также не был гарантом. Не был он гарантом и в случае с незаконно уволенным генералом Коржаковым – начальни-

ком охраны, и в случае со мной. В основе всей его деятельности лежало, к сожалению, одно пренебрежение к закону, замешанное на осознании вседозволенности – ему, как царю, можно все. Правда, и прокуратура не проявила в этом вопросе достаточной принципиальности. А как он тасовал в последнее время премьеров и правительства?

В машину ко мне каким-то чудом прозвонилась журналистка из телекомпании НТВ, попросила прокомментировать ночной показ пленки по РТР. Я чувствовал, как внутри меня возникло какое-то жжение, едва не перехватившее дыхание, за ним – злость.

Странная сложилась ситуация с показом этой пленки. Решение Совета Федерации состоялось, голосование известно: 143 на 6, аргументы сторон высказаны. По логике, показывать надо было до заседания Совета Федерации... Впрочем, раз давят – значит, был у окружения Бориса Николаевича страх, значит, они боялись. И прежде всего разоблачений, уличений в воровстве, во взяточничестве, в том, что они ободрали страну, сделав людей непомерно нищими, а себя непомерно богатыми...

– Считаю, что это – форма давления в связи с расследованием крупного уголовного дела, – сказал я.

– Какого дела? – заинтересовалась журналистка.

– Дело... – я задержал дыхание, решая, назвать или не назвать фирму, которой это касается напрямую, – швейцарской фирмы «Мабетекс».

Так я впервые на всю страну назвал фирму, связанную преступными нитями с кремлевской верхушкой.

– Давление же на меня оказывают те, кто боится расследования, – добавил я.

Сказать больше я ничего не мог, не имел права...

* * *

Вот и ЦКБ. Я поднялся на лифте на этаж, где находилась комната заболевшего президента. Первый человек, которого я увидел, был Юрий Васильевич Крапивин – начальник Федеральной службы охраны. Он пытался переговорить со мной о смене моей охраны. Дело в том, что Генеральный прокурор – один из восьми охраняемых государством лиц. В эту восьмерку входят сам президент, премьер-министр, председатели трех высших судов России – Верховного, Арбитражного и Конституционного, председатели двух палат парламента и Генеральный прокурор... Подобный разговор Крапивин вел со мной еще в феврале, но тогда я резко высказался против: мы начали расследовать дела, связанные с самыми могущественными людьми России, и смена охраны может быть чревата...

Я сказал Крапивину:

– Юрий Васильевич, я уже предупреждал вас в прошлый раз: если вы поменяете мне охрану, я объявлю об этом всенародно и выскажу свои соображения по поводу того, зачем

вы это делаете. Вы этого хотите?

Лицо Крапивина сразу сделалось кислым, и он от меня отстал.

Следом в коридоре повстречался Якушкин, пресс-секретарь прошел мимо, не поздоровавшись. Вот – даже не здоровается. В голове промелькнула грустная мысль: «Потомок декабристов... А воспитание недекабристское. Впрочем, человек, который столько лжет, утверждая, что президент работает по шестнадцать часов в сутки, вряд ли может быть потомком декабристов. Он потомок кого-то другого, из породы Хлестаковых».

В палате-кабинете президента находились трое: сам Ельцин, Примаков тогдашний премьер правительства и Путин – в то время директор Федеральной службы безопасности и секретарь Совбеза. «Если Борис Николаевич руки не протянет – я поступлю так же», – подумал я. Президент приподнялся в кресле и поздоровался за руку.

На столе перед ним лежала видеокассета с приключениями «человека, похожего на генпрокурора» и тощенькая папочка с материалами. Он ткнул пальцем в торец стола, где стоял стул. Сам он сидел за столом в центре, вертел в пальцах карандаш, постукивая им по видеокассете. У стола же, по одну сторону, лицом ко мне, сидел Примаков, по другую, как-то странно съежившись и натянув пиджак на сухой спине так, что были видны острые лопатки, – Путин.

За окном занималось солнце. Воздух сделался розовым,

бодрящим, на ветках недалеких елей шебаршились птицы, стряхивали с лап чистый свежий снег.

Дверь в соседнюю комнату была приотворена. Мелькнула невольная мысль: «А не сидит ли там Татьяна Дьяченко? Очень может быть, что и сидит. Оттопырила по-крестьянски ухо и приготовилась слушать, о чем пойдет речь». В последнее время ежечасный доступ к «телу» – то бишь к отцу – имела лишь она одна. Значит, она «одна» (плюс незаменимые ее советчики Березовский, Волошин, Чубайс, Абрамович, Бородин, Мамут) и решает наши судьбы. В том числе и судьбы Примакова с Путиным, находящихся здесь.

Ельцин откинулся на спинку кресла, отдышался и произнес:

– Вы знаете, Юрий Ильич, я своей жене никогда не изменял...

Такое начало меня обескуражило, но не больше. Я понял: говорить что-либо Борису Николаевичу, объяснять, доказывать, что кассета вообще не может быть предметом официального обсуждения, бесполезно. Откуда вы взяли, господа, эту кассету? Вы же становитесь соучастниками преступления. Что вы делаете? Со-у-част-ни-ки.

И вдруг до меня, как сквозь вату, доходит голос президента:

– Впрочем, если вы напишете заявление об уходе, я расporяжусь, чтобы по телевизионным каналам прекратили трансляцию пленки.

Это же элементарный шантаж, за это даже детей наказывают, не только взрослых. Я смотрел на президента, но краем глаза, каким-то боковым зрением, заметил, что Примаков и Путин с интересом наблюдают за мной, Путин даже шею вывернул. Только у Примакова этот интерес носит какой-то сочувственный характер – Евгений Максимович понимает, в какую ситуацию я попал, – а у Путина интерес совсем другой...

* * *

Итак, первая фраза президента прозвучала, вызвала некий холод в душе, но я молчу, жду, что дальше.

– В такой ситуации я работать с вами не намерен, – произнес тем временем президент, – и не буду...

Я молчу, президент тоже молчит.

– Борис Николаевич, вы знаете, кто собирается меня увольнять? – наконец сказал я. – Коррупционеры. Мы сейчас, например, расследуем дело по «Мабетексу». Там проходят знаете кто?... – Я назвал Ельцину несколько фамилий. – Это они все затеяли. Они!

– Нет, я с вами работать не буду, – упрямо повторил президент.

В разговор, понимая, что дальше молчать нельзя – я могу перехватить инициативу у Ельцина, – включился Путин.

– Мы провели экспертизу, Борис Николаевич, – сказал он

президенту, – кассета подлинная.

Не может этого быть! Я даже растерялся – ведь экспертизы обычно проводятся в рамках уголовного дела... Но дела-то никакого нет.

– Тут есть еще и финансовые злоупотребления, – добавил Ельцин.

Мне вдруг стало обидно – я не то чтобы присвоить чей-нибудь рубль себе, не обязательно государственный, – я даже пачку скрепок не мог унести с работы, если у меня дома их не было, я просил жену сходить в канцелярский магазин. И вдруг – такое несправедливое обвинение, фраза, для меня страшная: «Финансовые злоупотребления». Я почувствовал, что у меня даже голос дрогнул от неверия в то, что я услышал:

– Борис Николаевич, у меня никогда не было никаких финансовых злоупотреблений. Ни-ког-да. Ни-ка-ких. Можете это проверить!

В разговор включился Примаков. Но он говорил мягко, без нажима. Евгений Максимович, как никто, понимал эту ситуацию, но понимал и другое: его пригласили для участия в этом разговоре специально, чтобы связать руки – ему связать, не мне, чтобы он потом не мог влиять на историю со мной с какой-то боковой точки действия.

Что меня больше всего удивило в этом разговоре? Не кассета. Другое. Первое – игнорирование правовой стороны дела: никакие законы для высшей власти не существу-

ют. Второе: неуважительное отношение к Совету Федерации. Ведь эта разборка происходила на следующий день после его заседания, она возникла как следствие, как сюжетное противодействие, если хотите, тому, что уже случилось. Третье: нежелание «семьи» дать мне возможность переговорить один на один с президентом. Для этого и были подключены Примаков и Путин. Хотя я готовился к беседе наедине.

Тонкие разработчики, конечно же, – Дьяченко, Березовский, Юмашев, Чубайс и Ко.

Очень точно просчитывают свои ходы. Как шахматисты. Особенно Березовский с его системным мышлением. Он, конечно, стоит на голову выше всей этой команды.

– Надо написать новое заявление об отставке, – сказал Ельцин.

– И чем его мотивировать? Совет Федерации же только-только принял решение.

– Пройдет месяц... На следующем своем заседании Совет Федерации рассмотрит новое заявление...

– Но это же будет неуважение к Совету Федерации.

Ельцин в ответ только хмыкнул. Понятно, где он видит этот Совет Федерации. В голове у меня словно бы молоточки какие забарабанили, от их звонких ударов даже заломило виски. «Что делать... что делать... что делать? Надо как-то выиграть время. Это необходимо как воздух. Уже запланирован визит Карлы дель Понте в Россию, она скоро должна приехать. Ее приезд откроет многие карты, которые сего-

дня закрыты. Во всяком случае, я на это надеюсь. Надо сманеврировать и обязательно выиграть время... Нужно довести дело по «Мабетексу» до такой стадии, когда его уже нельзя «развалить», и подстраховать визит мадам дель Понте».

Вот такая задача стояла передо мною. И еще я понимал, что без очередного заседания Совета Федерации не обойтись. Все решить может только это заседание.

– Борис Николаевич, следующее заседание Совета Федерации запланировано на 6 апреля. Если я напишу заявление сейчас, то произойдет утечка информации, прокуратура за это время просто развалится... – тут я поймал тяжелый, непонимающий взгляд президента, он словно бы не верил в то, что слышал. – Я напишу заявление сейчас, но дату поставлю апрельскую, 5 апреля – самый канун заседания Совета Федерации. За это время я смогу разобраться со швейцарскими материалами... Это очень важно.

Надо отдать должное президенту, он меня поддержал:

– Ладно, расследуйте то, что начато, а заявление датировайте 5 апреля.

Ход был правильный. Если бы я не написал заявления, то против меня были бы приняты резкие меры. Вплоть до физического устранения – от киллерского выстрела до наезда на мою машину какого-нибудь огромного, груженного кирпичами грузовика: эти ведь методы освоены в современном мире, в том числе и российском, в совершенстве. Ну, а уж насчет того, чтобы отстранить меня от должности указом, то

тут уж, как говорится, Борису Николаевичу сам Бог велел...

Так с 18 марта по 5 апреля я получил возможность действовать, довести до конца начатые дела, продвинуть вперед историю с «Мабетексом» – пусть люди знают, что делает наша верхушка и как обходится с теми, кто указывает ей на нарушение закона.

* * *

Пока мы вели разговор, Борис Николаевич взялся за сердце, вяло приподнял руку, поморщился, одна половина его лица потяжелела, и он, хрипло дыша, вышел из комнаты. За окном продолжало светить, ликовать радостное весеннее солнце. Я заметил, как лица Примакова и Путина напряглись.

Через десять минут Ельцин вернулся, снова сел в кресло. Когда я написал заявление, Примаков и Путин с облегчением вздохнули.

Выйдя из президентского корпуса на улицу, я хотел было сразу сесть в машину и уехать – слишком муторно, слишком противно мне было, – но Примаков задержал меня:

– Юрий Ильич, вы знаете, я скоро тоже уйду. Работать уже не могу. Как только тронут моих замов – сразу уйду...

В те дни в печати довольно широко обсуждался вопрос об отставке вице-премьеров Кулика и Маслюкова. Кулика, как мне казалось, – за дело. Он недалеко ушел от кремлевской

верхушки. Создалось впечатление, что Евгений Максимович пытался этими словами сгладить ситуацию, оправдаться, и я понимал, насколько ему неприятно – ведь он попал между двух огней, – но должность его не позволяла сказать то, что он должен был сказать.

Выходит, Примаков тоже чувствует, что тучи над его головой сгущаются, что «семья» плетет вокруг него паутину, которая, того гляди, задушит премьера...

Я уехал на работу, а заявление, написанное на имя председателя Совета Федерации Строева, осталось лежать на столе у президента, как некий горячий лоскуток бумаги, вызывающий ощущение горечи, одиночества, боли – словно бы некий знак беды, которая накатила на меня, будто лавина с крутого склона...

Со стола президента заявление перекочевало в сейф.

Президент сказал:

– Пусть оно полежит у меня в сейфе. Здесь не пропадет.

Через две недели заявление вынырнет оттуда.

...У себя на Большой Дмитровке я постарался как ни в чем не бывало начать обычный трудовой день. Я старался держаться, старался не подавать виду, что мне тяжело. Но чего мне это стоило!

Единственные, кто меня поддерживал в те дни, были моя семья – жена, сын с дочкой, теща – и еще несколько близких друзей.

Кое-кто из высокопоставленных особ, которые раньше

первыми стремились поздороваться, подобострастно улыбнуться (знают жирные коты, чье мясо съели), сейчас стали проходить в пятидесяти сантиметрах от меня, совершенно не замечая, – похоже, действовали по примеру Якушкина. Видимо, считали – со мною покончено.

Ну что ж, вполне возможно, в этом есть доля истины, но до того, как это произойдет, я еще скажу несколько громких слов, и ворам обязательно скажу, что они воры. И уж потом громко хлопну дверью. Трудно мне было тогда, гораздо труднее, чем сейчас.

В прокуратуре меня поддерживали в основном рядовые сотрудники, с которыми я и знаком-то толком не был, подбадривали, угощали, когда я заходил в кабинеты, – кто чаем, кто тортом, кто бутербродом, – кто чем, словом, и это было очень трогательно. А вот замы мои – те самые, которых я собственными руками сделал замами, повесил на погоны большие генеральские звезды, – все усилия направили на спасение собственных должностей, забыв, как выяснилось позднее, и о чести, и о совести.

Но живем-то мы в одном мире, находимся на одной профессиональной площадке, как же они завтра будут смотреть в глаза своим коллегам?

Исключение составлял только Михаил Борисович Катышев, один из лучших следователей России, принципиальнейший, хотя и жесткий человек, но его вскоре постарались отстранить от командования важнейшим прокурорским хозяй-

СТВОМ.

Но пока не отстранили, работа в прокуратуре кипела...

Коррупция и заказные убийства

Когда я еще только пришел в Генпрокуратуру, то понял – если буду разбрасываться, хвататься за одно, другое, третье, как это довольно часто делает начальство, работа просто-напросто съест меня, надо выбрать что-то главное, все остальное этому главному подчинить, распределить: это второй ряд, это – третий, это – четвертый и так далее...

Главными направлениями в борьбе с преступностью я выбрал два: коррупцию и заказные убийства.

«Коррупцию» в переводе с латинского – подкуп, разложение государственного аппарата, продажа чиновниками своих полномочий преступному миру.

Коррупция необходима нелегальному и полулегальному бизнесу, распространению наркотиков, контрабанде, торговле оружием, игорному бизнесу, – необходима как воздух, как вода. Без коррупции эти виды «деятельности», – за редким исключением, – не могут существовать.

Россия оказалась в этом смысле страной чрезвычайно уязвимой – как, собственно, и любая другая страна с экономической системой переходного типа. Если возможна сверхприбыль в сто – сто пятьдесят – двести процентов, то эту сверхприбыль надо получать. Для получения ее все средства хороши: и подкуп, и шантаж, и убийства. Прибылью нормальной, общепринятой в развитых капиталистических

странах в три – пять – семь процентов уже не довольствуются. Вот такие в России «капиталисты».

Чиновников в России примерно один миллион. Один миллион человек, которые могут что-то разрушить, а могут и не разрушить – это такое социальное зло, которое криминальные элементы обязательно стараются использовать в своих интересах...

Я знал, что для борьбы с коррупцией нужна серьезная подготовка. И не только нравственная или техническая – нужны специальные подразделения в правоохранительных органах. Да и сотрудники не должны сидеть впроголодь на нищенской зарплате и при этом допрашивать сытого вальяжного чиновника, вызванного в прокуратуру по факту взятки в несколько тысяч долларов. Более того, надо, чтобы следователь был обеспечен не только нормальной зарплатой, но и квартирой, иначе получается нонсенс: молодой человек с женой и ребенком или даже двумя детьми расследует дело о миллионах долларов и не имеет квартиры... Ведь однажды он может не устоять.

Но особенно «ценными» для преступников являются чиновники высокого ранга, это именно их «деятельность» выдвинула Россию в десятку самых коррумпированных стран мира. Криминологические исследования выявили страшную цифру – семьдесят процентов российских чиновников коррумпированы, именно на их подкуп коммерческие структуры выделяют до пятидесяти процентов своей прибыли.

Самые «дорогие» чиновники — те, которые работают в банковско-финансовой сфере и распоряжаются предоставлением кредитов на льготных условиях. Иногда до сорока процентов этого кредита возвращается в карман «благодетелей» в виде «хрустиков», «шуршиков» и т. д. — «живыми» деньгами, наличностью.

Ну а те, которые «высокого полета», те не стесняются — за продажу лицензий на нефть, газ, цветные металлы и другое ценное сырье берут, уже не стесняясь, — счетами в зарубежных банках на сотни тысяч долларов, подарками в виде особняков либо в виде теплого местечка на будущее в прибыльной структуре.

Иногда этих чиновников, что называется, «делают», проталкивая наверх, причем подчас это обычные уголовники, имеющие судимость.

Массовая приватизация «по-чубайсовски», обернувшаяся глобальным воровством государственных ценностей, сплела такой густой клубок, в котором слились вору, взяточники, хозяева «грязных» капиталов, спекулянты, что разбить его прокуратура будет еще долго-долго.

Коррупция и организованная преступность уже образовали уродливую, опасную для государства структуру. Некоторые идеологи воровского капитализма говорят, что насытившиеся бандиты, устав от грабежей, воровства и убийств, превратятся в добропорядочных буржуа. Как бы не так! Эдит Пиаф однажды сказала, что у поэта никогда не может быть

лица подонка и подлеца, так и у убийцы никогда не может быть лица поэта: бандиту не дано стать порядочным человеком.

* * *

В прокуратуре мы подготовили специальную антикоррупционную программу, о которой я доложил Борису Николаевичу Ельцину. В программе был намечен целый комплекс мер борьбы с этим злом. Ельцин одобрил программу. Чубайс же в бытность руководства администрацией президента ее благополучно похоронил.

Тогда мы подготовили проект указа по борьбе с коррупцией. До закона, похоже, еще далеко, пусть будет хоть указ. В проекте мы предлагали создать комиссию, в которую вошли бы все правоохранительные и силовые органы, – от службы охраны президента до налоговой полиции, – и передавали бы ей материалы, имеющие признаки преступления, именно по части коррупции.

Ведь руководители министерств часто поступают так: пожурят отечески взяточника у себя и все, этим и ограничатся, тогда как людей этих надо судить, взыскивать с них ущерб, принесенный в результате их коррупционных действий. Нужно было также создавать межведомственную следственно-оперативную группу, которая проверяла бы все факты коррупционных нарушений...

Проект указа, к сожалению, также был похоронен. Думаю – той же командой.

Мы подготовили и серию поправок в законы – например, в законы о выборах и государственной службе, препятствующие проникновению криминала во власть. Они были поддержаны Думой и Советом Федерации. В этом же пакете был и закон о доверительном управлении долями (акциями), принадлежащими государственным служащим. Как известно, закон в России запрещает совмещать госслужбу с коммерческой деятельностью. У нас же к этому относятся непоследовательно, одни выполняют этот закон, другие нет. Причем большинство, конечно же, не выполняют и, находясь на службе в каком-нибудь близком по профилю министерстве, работают на свои личные структуры, обогащаются, как могут. Таких примеров – воз и маленькая тележка.

Прокуратура, к сожалению, не обладала правом законодательной инициативы, а президент, его администрация и правительство не вынесли законопроект в Думу.

Предложили ряд поправок в Уголовный кодекс, предусматривающих ответственность за нецелевое использование кредитов. Много было жалоб на безденежье, много денег уходило в никуда, иногда они просто разворовывались. От этого страдало дело, но виновных никто не наказывал...

Особое внимание уделили усилению прокурорского надзора за расследованием преступлений, связанных со взяточничеством. А то ведь что получалось: в Дагестане, например,

за год было выявлено всего семь взяточников. В Ингушетии и того меньше. В жизни же ситуация была совсем иной.

Пришлось взяться за это дело серьезно. В результате мы довели количество уголовных дел по взяточничеству до шести с половиной тысяч.

Начали наводить порядок и в прокуратуре. Если видели, что человек ненадежен, может «позолотить себе ручку» – убирали такого «золоторукого». В это время появился указ об обязательном декларировании государственными служащими своих доходов, на судей и прокуроров этот указ не распространялся, но мы у себя приняли решение о добровольном декларировании.

Стало ясно, что все принимаемые Госдумой законы должны проходить криминологическую экспертизу именно на предмет коррупции, чтобы не случилось того, что произошло, например, с блоком законов и указов о приватизации: там было такое раздолье для взяточников и коррупционеров, которое может, наверное, только присниться в нехорошем сне либо привидеться в странной колдовской одуре...

По взяткам, например, существует довольно неутешительная статистика: реально только полпроцента мздоимцев попадаетеся – слишком сложное это дело, но чиновника, хапнувшего деньги, довольно легко схватить за руку, когда он начинает «отмывать» их. Вот тут-то и кроется ключевое направление деятельности правоохранительных органов.

Большинство чиновников предпочитает, конечно, «отмы-

вать» свои деньги за рубежом. С учетом этого я выстроил «географию» своих поездок. Я побывал в Швейцарии, Греции, США, во Франции, на Кипре, то есть в тех странах, которые больше всего приглянулись «новым русским». Для решения главной нашей задачи – вернуть российские деньги домой – были подписаны договоры с прокуратурой Швеции, Кипра, Швейцарии, был готов к подписанию договор с прокуратурой Греции, но подписать его я не успел.

* * *

Первого февраля 1999 года – перед самым вызовом в Кремль к Бордюже, я направил письмо в правительство, Примакову, где подчеркнул, что в случае возврата в Россию ее валютных средств можно было бы не только решить проблему выплаты внешней задолженности, но и отказаться от финансовой помощи других государств.

В письме, по сути, была изложена целая программа действий по возврату денег из-за рубежа. Я предложил создать специальную правительственную комиссию по репатриации российских капиталов, во главе которой встал бы сам премьер-министр, следом такие комиссии надо образовывать на местах, в субъектах Федерации.

Комиссия могла бы, во-первых, создать сводный банк данных о фактах вывоза денег за рубеж, их размерах, о физических и юридических лицах, имеющих за рубежом возмож-

ные счета, виллы, коттеджи, квартиры, культурные ценности; во-вторых, провести проверки фактов вывоза капиталов за границу, ревизовать экспортно-импортные контракты за последние семь лет по таким позициям, как нефть и сопутствующие материалы, газ, металлы, оружие, пищевые продукты, агропромышленное оборудование. Перед этим правительство должно обратиться к тем, кто «грешен», с предложением в течение трех месяцев возвратить незаконно вывезенные капиталы в страну и гарантировать «грешникам» освобождение от уголовной ответственности. Если же «грешники» не вернут капиталы добровольно, то преимущественным методом возврата денег станет репрессивный.

Кроме того, назрела необходимость в Федеральном агентстве по экспортному контролю, которое замкнуло бы на себя вопросы реализации единой государственной политики в области экспортного контроля, формирования списка контролируемых товаров и технологий, порядка передачи их в зарубежные страны.

Не лишним было бы взять под более плотный контроль внешнеторговую деятельность хозяйственных организаций, которые не являются так называемыми спецэкспортерами, а также объявить 90-дневный мораторий на выдачу квот для продажи нефти. Эти меры, как подсчитали специалисты, отсекут криминал и поставят финансовые потоки под контроль государства.

Серьезным пополнением доходной части казны могло бы

стать введение государственной монополии на экспорт и импорт высокодоходных товаров (алкоголь, табачные изделия, медикаменты), ограничения на вывоз валюты из России – сегодня ее можно вывозить сколько угодно, контроль за крупными расходами физических лиц.

И последнее, что я предложил, – ратифицировать подписанные Россией европейские конвенции «О выдаче преступников» и «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», а также присоединиться к международной конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» и вступить в международную координационную группу ФАТФ, чтобы можно было возвращать капиталы, полученные незаконным путем и конфискованные за границей.

В России комиссия по координации борьбы с коррупцией имела при Совете безопасности, возглавлял ее министр юстиции Ковалев, но работа в ней шла ни шатко ни валко, от случая к случаю. В конце концов руководство ею передали Генпрокурору.

Много внимания мы уделили и связям коррупции с оргпреступностью, эти явления переплетены в жизни очень тесно, ведь чиновники обеспечивают отечественным мафиози так называемую крышу, – все это надо было тщательно изучить, создать методику: как с этой напастью бороться?

В это время в Штатах группа американских исследователей опубликовала доклад, посвященный российской корруп-

ции. Доклад, конечно же, интересный, но чрезмерно идеологизированный. Нас нарекли «империей преступности» (в советские времена мы были «империей зла»), и авторы сделали для себя несколько «открытий». В частности, они почему-то утверждали, что во время распада СССР из тюрем КГБ были выпущены все заключенные (у КГБ тюрем не было ни одной, имелся только следственный изолятор в Лефортове), что для возбуждения уголовного дела раньше было достаточно лишь одного телефонного звонка. Нелепость! Никогда такого не было.

В 1998 году я поехал в Вашингтон на встречу руководителей правоохранительных органов стран «Большой восьмерки»; в делегацию, кроме меня, входило еще три человека: Крашенинников Павел Владимирович из Министерства юстиции, Кожевников Игорь Николаевич из МВД и Особенков Олег Михайлович из ФСБ. В один из дней мне предложили выступить с лекцией.

Я выступил. Одоблив в целом идею, я начал разбирать американский доклад детально и в конце концов не оставил от него камня на камне. Разбил по мелочам. После лекции у меня состоялась беседа с одним крайне обиженным господином... Оказалось, это был один из авторов доклада. Обиды, конечно, обидами, это дело «преходящее», но нам важно было, как на нас смотрят. Национальные интересы страны – прежде всего...

Что же касается уголовных дел по коррупции, то при моем предшественнике Ильюшенко их возбуждали крайне мало – пугались должностей коррупционеров. При мне были возбуждены уголовные дела по вице-преьерам Коху, Давыдову, Чубайсу, по губернаторам Севрюгину и Подгорнову (Тула и Вологда), пришлось отвечать и министрам, и заместителям министров, и генералам. Всем памятни дела Кобеца – всесильного заместителя министра обороны (к слову, за свои деяния пришлось отвечать тридцати генералам), председателей Госкомстата и Госдрагмета, дело первого заместителя министра финансов Петрова, тверское дело, в результате которого посадили двух вице-губернаторов и начальника РУОПа, дела Собчака и Станкевича...

Непросто далось возбуждение уголовного дела в отношении Ильюшенко. Я и тогда, честно говоря, не спал ночами – никак не мог решиться на это... Но, надо сказать, я и сейчас бы принял такое решение. Тем более факты по бывшему генпрокурору сотрудники ФСБ собрали убедительные.

Сам Ильюшенко оказывал сильное противодействие следствию. Если бы не это, его можно было и не арестовывать... Но – пришлось.

К сожалению, часто оперативники добывают добротный материал по части «сильных мира сего» и их грехов, но эти

материалы запрещают использовать, они стареют, что называется, уходят в песок. Очень трудно возбуждать дела против высокопоставленных чиновников. Давят все, кто только может давить. Например, когда мы прижали такого матерого преступника, как банкир Смоленский, то нас немедленно стала прессовать президентская администрация и прежде всего – Юмашев, тогдашний глава администрации. Пригласив меня в Кремль, он долго объяснял, что этот ранее судимый банкир был одним из финансистов выборной кампании Ельцина, а значит – хорошо информированным о кремлевской «кухне» человеком.

Юмашев быстро уговорил министра внутренних дел Степашина, тот начал давить на своего зама Кожевникова, руководившего следственным комитетом МВД.

В конце концов Кожевников не выдержал, приехал за поддержкой ко мне.

– Я вас всегда готов поддержать, Игорь Николаевич, – сказал я ему. – Закон есть закон, он для всех одинаков. Надо было думать раньше, когда Смоленского привлекали к избирательной кампании.

Но чем все это кончилось, вы знаете: уголовное дело против банкира было прекращено следственным комитетом МВД РФ, а Кожевникова в МВД не стало.

На периферии, в краях и областях российских тоже хватало дел. Курский губернатор Руцкой, например, всей своей мощью пробовал давить на областного прокурора Николая

Александровича Ткачева. Ткачев арестовал двух замов Руцкого – Копончука и Бунчука, которых на курской земле прозвали Чуком и Геком, а также завел уголовное дело на брата Руцкого – заместителя начальника областной милиции... Руцкой несколько раз приезжал ко мне, требовал освободить арестованных, требовал снять прокурора, но я не уступал.

Но вот меня в прокуратуре не стало, и Чук с Геком незамедлительно очутились на свободе.

Чувашский президент Федоров также пробовал «размять» прокурора республики Виктора Александровича Русакова – тот опротестовал несколько указов, возбудил уголовное дело против охранника президента и разом сделался неудобным.

Из-за владивостокского прокурора Валерия Владимировича Василенко возник конфликт даже с администрацией президента, а магаданский прокурор Александр Альфредович Неерди – единственный, кстати, эстонец среди прокуроров, – возбудил уголовное дело, затрагивающее интересы самого губернатора...

Я не «сдал» ни одного прокурора субъекта Федерации. Все увольнения произошли уже после меня.

* * *

Второе главнейшее направление в деятельности Генеральной прокуратуры по борьбе с преступностью – заказные

убийства, или, как их еще иначе называют, убийства по найму. За годы реформ мы с этим столкнулись очень плотно. Кого только не было среди жертв! Но в основном – банкиры, крупные предприниматели, коммерсанты, потом в этот ряд начали попадать депутаты, журналисты, неуступчивые чиновники.

Как правило, за всяким заказным убийством стоят экономические интересы. Общество же видит в основном внешнюю канву, рисунок убийства, но не видит того, что остается за кадром.

Ельцин, например, после одного громкого убийства – Влада Листьева – снял с должности двух первоклассных специалистов: начальника московской милиции Панкратова и прокурора города Пономарева. Снял практически ни за что. С таким же успехом он мог освободить от должности самого себя: в накате преступности и, в частности, появлении новых видов преступлений, таких, как заказные убийства, виноваты не столько Панкратов с Пономаревым, сколько инициаторы и «технологи» бездумных реформ, и в первую очередь президент...

Громких убийств мы насчитаем немало. Это и убийство Меня, и убийства Кивелиди, Холодова, Сыча, взрыв на Котляковском кладбище, позднее убийства Старовойтовой и Маневича.

Тема заказных убийств очень часто использовалась против меня, постоянно назывались одни и те же фамилии

жертв. Но при этом умалчивалось другое. Многие дела были успешно расследованы: убийства депутатов Скорочкина и Айзердниса, убийства председателя Федерации хоккея Сыча и крупнейшего нашего конструктора, отца ракет «С-300» Смирнова, взрыв на Котляковском кладбище, убийство Холодова и многие другие.

Раскрывать заказные убийства сложно – во-первых, часто исполнителями являются профессионалы высокого класса, во-вторых, заказ проходит через несколько посредников.

Например, убийство Смирнова, который являлся генеральным директором крупнейшего оборонного завода, заказал его собственный главный инженер, захотевший обогатиться. Страшный заказ этот прошел через четырех посредников. Иногда посредников бывает пять, иногда – шесть, часто киллера, а также первых одного-двух посредников убивают, часто исполнитель заказа беспрепятственно покидает пределы России. Например, убийца Листьева благополучно отбыл из Москвы на юг, оттуда – за границу, где и отсиживался некоторое время...

Должен заметить, что не только у нас невелик процент раскрываемости заказных убийств. В США он всего 8 процентов. У нас же, особенно в первые годы реформ, оказались слабо подготовленными оперативные работники, не было следователей и прокуроров-криминалистов, ознакомленных с методикой расследования преступлений этой категории, имело место сильнейшее противодействие организо-

ванных преступных группировок, располагавших огромными финансовыми и техническими возможностями.

Зачастую неправильно применялись и новые нормы, демократизирующие уголовный процесс. В частности, право обжаловать в суд изменение меры пресечения. Например, один из бандитов – фамилия его Курдюмов, из банды Архипова, – организовал такое мощнейшее давление на суд (даже предъявил фиктивную справку, что он болен раком), что судья не выдержал, изменил меру пресечения, отпустил его домой. В результате «раковый больной» скрылся.

Были и факты предательства. Военная контрразведка, например, по делу Холодова сознательно не передавала нам информацию, которая у нее имелаась, а один из оперативников этой службы, сидя у меня на совещаниях, «сливал» потом всю информацию основным фигурантам дела, служащим воздушно-десантных войск.

Часто следователи работали в условиях, мало подходящих для этого. Старший следователь по особо важным делам Леонид Константинович Коновалов, к сожалению, потерял семью – пропадал на работе, ночевал в кабинете, в результате семья распалась... Но дело довел до конца.

Впоследствии он получил генеральское звание, стал государственным советником юстиции третьего класса.

По делу Листьева мы столкнулись с сильнейшим сопротивлением, нечистоплотностью ряда сотрудников МВД, а у одного из «действующих лиц» дела вообще оказались ксе-

рокопии документов, находящихся у следователя. Как он их получил?

Пришлось срочно разрабатывать программу мер по борьбе с заказными убийствами. Для начала укрепили техническую базу следственных управлений, подняли зарплаты следователям, добились выделения жилья. Я занимался даже таким делом, как освобождение следователей от воинской службы, укрепил службу прокуроров-криминалистов. В Генеральной прокуратуре был создан специальный отдел прокуроров-криминалистов, приравненный к управлению. Возглавил его Вячеслав Николаевич Исаенко...

Работа пошла. Были созданы постоянно действующие группы, специализирующиеся на раскрытии заказных убийств. Вначале их работу мы проверили в ряде регионов, получилось очень даже неплохо. В эти группы входили следователи милиции и прокуратуры, оперативники, прокуроры-криминалисты, эксперты, судебные медики, технический состав. Группам постарались дать постоянные помещения, ведь они же были постоянно действующими, – автомашины, свои компьютеры, надо было создавать собственную базу данных. Свою работу группы начинали с осмотра места происшествия и вели ее до раскрытия преступления.

Так начал накапливаться опыт. Ситуация стала исправляться. В 1995 году уже было раскрыто 55 заказных убийств, в 1997-м – 110, в 1998 году цифра превысила двести.

За каждым громким заказным убийством – своя история, свои нападки, если хотите, на прокуратуру. И, поверьте мне, я много знаю, но не могу назвать фамилии, поскольку это повредит следствию, даже по тем делам, которые расследованы и переданы в суд, также не могу назвать фамилий, поскольку существует презумпция невиновности и пока суд не назовет преступника преступником, никто не имеет права называть его так.

А мастера заказных убийств действуют изошренно. Среди них есть такие специалисты, что нам только удивляться приходится.

Взять, например, дело об убийстве банкира Кивелиди. Можно написать целую книгу. Ядом была обработана телефонная трубка, которая убила не только Кивелиди, но и его секретаршу. Была проделана гигантская работа, чтобы синтезировать яд. Нам здорово помогла экспертиза – она точно расписала по часам и минутам симптомы, которые появляются у людей при отравлении этим ядом. Этот «график времени» мы наложили на рабочее расписание банкира, выяснили, кто у него был в «час икс»...

Дело об убийстве Димы Холодова и Влада Листьева, о которых я уже говорил. Оба дела находились у меня на личном контроле. Раз в два месяца я собирал у себя следствен-

ные группы. И по одному убийству и по другому. На этих совещаниях часто присутствовали и министры, и заместители министров.

Входе расследования дела об убийстве Листьева мы раскрыли сорок с лишним преступлений, арестовали банду Барыбина-Шкабары, на счету которой было тридцать убийств. В общей сложности члены этой банды получили более двухсот лет лишения свободы.

Как-то мне позвонил Ястржембский:

– Сегодня Борис Николаевич выступал в МИДе. К нему пыталась пробиться одна женщина, которая говорила, что знает людей, убивших Листьева. Я записал ее координаты. Это интересно?

– Да!

Я передал координаты руководителю следственной группы Петру Грибою. Тот нашел эту женщину. Она рассказала, что в электричке с ней случился приступ. На соседней скамейке ехали несколько молодых людей, которые думали, что она спит, и довольно откровенно рассказывали друг другу, что испытывал каждый ихних, убивая Влада. Женщину эту допрашивали три или четыре дня. Говорила она блестяще – причем говорила то, что нужно следователю, приводила мелочи, детали, которые придавали достоверность сказанному. Одного из убийц она, оказывается, видела на похоронах Влада.

Бригада следователей из четырех человек потратила ме-

сяц на изучение этой версии и лишь потом выяснили, что женщина страдает психическим заболеванием.

Иногда оперативники приволакивали какого-нибудь небритого бандюгу, который делал «добровольное» признание:

– Это я убил Листьева!

Но при первом же допросе, когда начинали сопоставлять детали, выяснялось, что Влада Листьева он видел только по телевизору.

В работе над делами об убийстве Холодова и Листьева следователи опережали оперативников, хотя обычно бывает наоборот...

Конечно же, в расследовании фактов коррупции, в расследовании заказных убийств – непочатый край работы, удалось сделать только первые, начальные шаги и надо было идти дальше, чтобы переломить ситуацию. Не позволили, не дали...

Несколько встреч с президентом

Думаю, что о Ельцине еще много будет написано. Всякого, и хорошего, и плохого, как о первом правителе в постсоветском пространстве. Мое видение президента – это мое видение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.